Въ библиотеку Вологодскаго
Церковнаго Музея.

отъ
К. Гарманникова

24 Марта 1890.
Казань

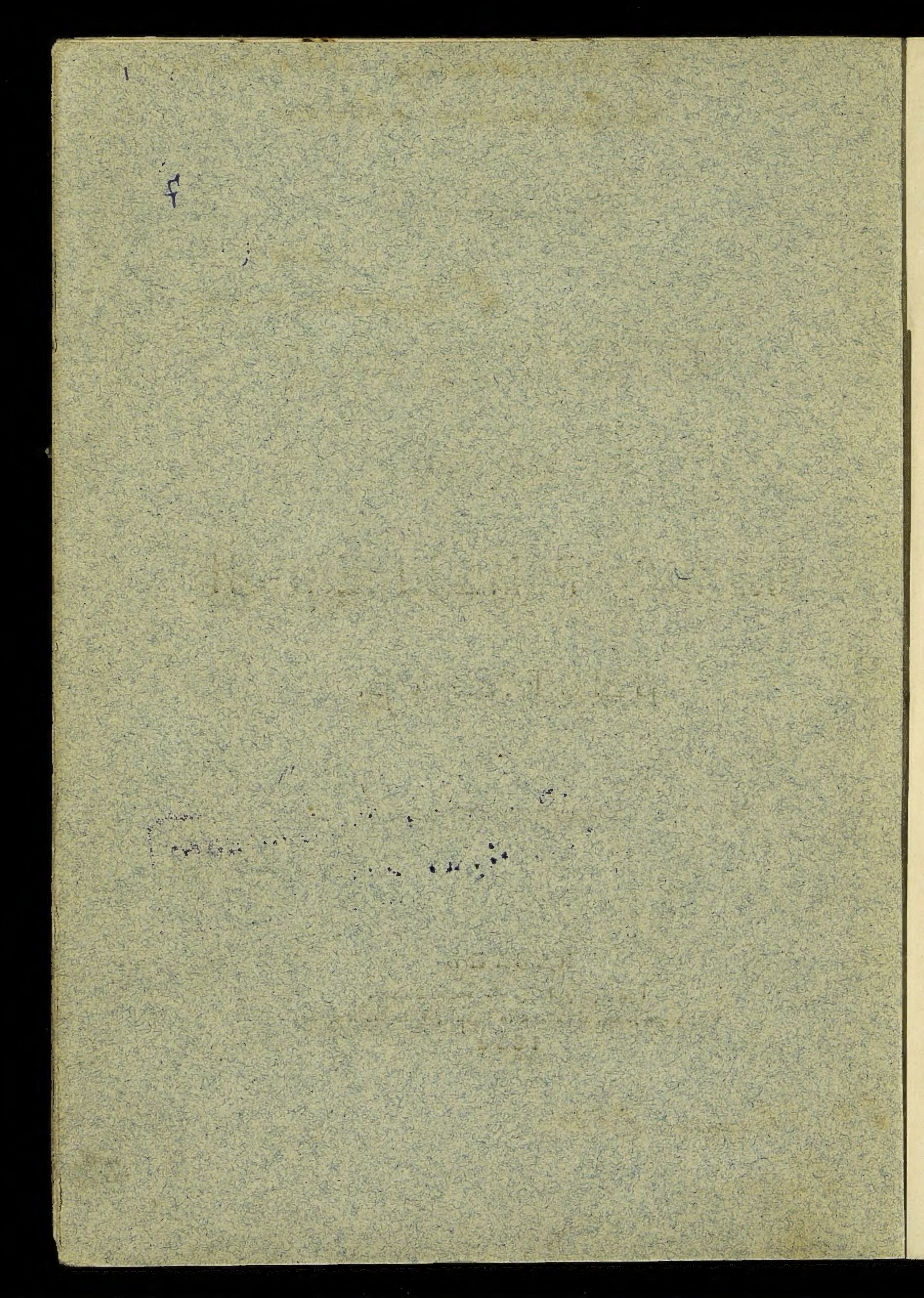
въ библіотеку Тобольскаго Губернскаго Музея.

И. Н. Смирновъ.

ЭТНОГРАФІЯ НА КАЗАНСКОЙ НАУЧНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ВЫСТАВКѢ.

КАЗАНЬ
Типографія Н. А. Ильяшенко,
Покровская улица, д. Свіяжскаго подв., прот. церкви Покрова.
1890.

24 Августа 1890 г.
Казань.

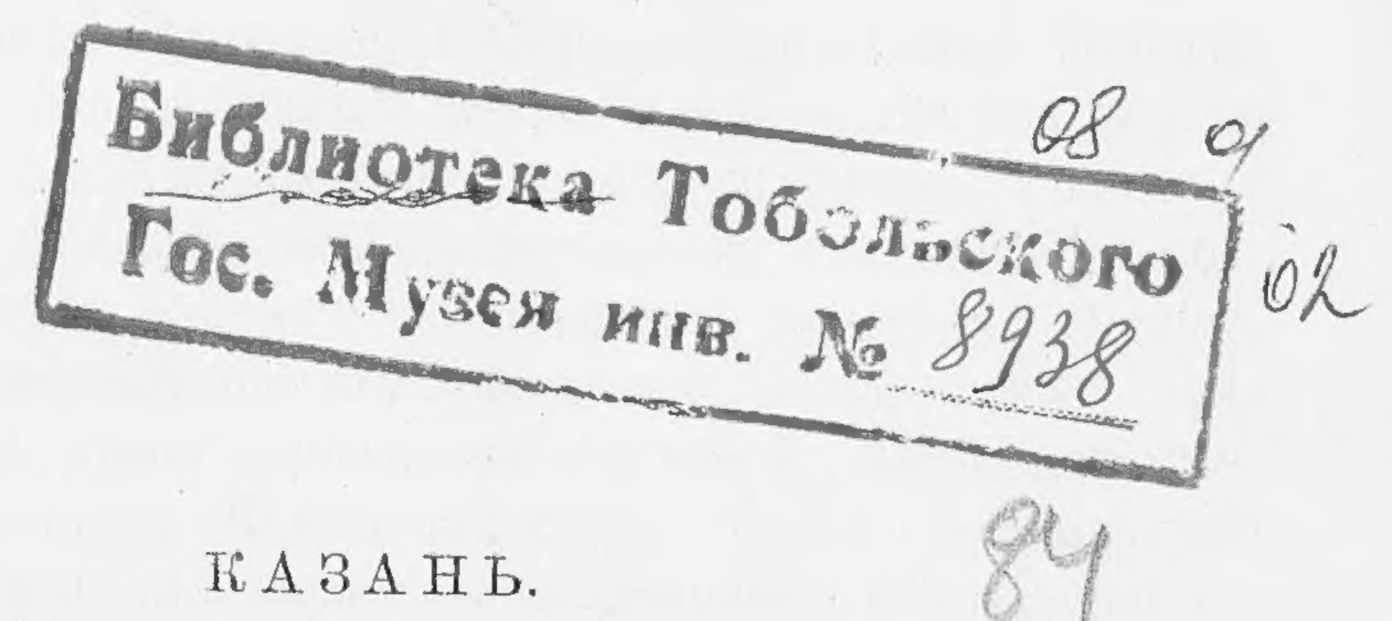
И. Н. Смирновъ.

ЭТНОГРАФІЯ

НА КАЗАНСКОЙ

НАУЧНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ

ВЫСТАВКѢ.

КАЗАНЬ.
Типографія Н. А. Ильяшенко,
Покровская улица, д. Свіяжскаго подв., прот. церкви Покрова.
1890.

Цензурою дозволено. Казань, 11 августа 1890 года.

Со времени открытія выставки прошло уже болѣе двухъ мѣсяцевъ. За это время различные отдѣлы ея и въ томъ числѣ научный подверглись суду мѣстной и столичной печати. Было кое-что говорено и объ этнографическихъ экспонатахъ выставки. Характеръ сужденій, высказывавшихся на счетъ этихъ экспонатовъ въ печати, и потребности той части публики, которая предъявляетъ запросъ на комментаріи обобщающаго научнаго свойства, побуждаютъ нась предложить читателямъ и въ тоже время посѣтителямъ выставки нѣсколько замѣтокъ о научномъ значеніи выставленнаго въ историко-этнографическомъ отдѣлѣ матеріала. Въ идеалѣ названный отдѣлъ выставки долженъ былъ дать рядъ картинъ изъ быта народностей, населяющихъ Поволжье, Сибирь, Средн. Азію и Кавказъ. Дѣйствительность, какъ и всегда, очень далека отъ идеала. Сибирь, Ср. Азія, Кавказъ и отчасти Южное Поволжье проявили большую застѣнчивость и не поддались на соблазнительныя воззванія выставочнаго комитета. Лицамъ, интересующимся бытомъ обитателей этихъ странъ, предоставлено право изучать его на мѣстѣ. Побольше смѣлости проявили Калмыцкая степь, Уралъ и Башкирія. Они приняли приглашеніе и своевременно явились на казанскій «праздникъ науки и промышленности». Справедливость требуетъ сказать, что гости очень достойно фигу-

*

рирують въ отдѣлѣ, который ихъ пригласилъ. Первое мѣсто по количеству экспонатовъ надо отвести коллекціи, выставленной Управленіемъ калмыцкимъ народомъ. Рядъ экспонентовъ, состоящіе изъ одного бакши, двухъ нойоновъ и восьми зайсанговъ представили коллекцію, которая хорошо знакомитъ съ внѣшнимъ бытомъ калмыковъ. Мы имѣемъ предъ собою кормовыя травы калмыцкой степи, сырые продукты скотоводства и выдѣлываемые изъ нихъ калмыками предметы — веревки, арканы, тесьмы, нитки, ковры, кошмы, сумки, принадлежности костюма, затѣмъ одежды простыхъ калмыковъ и духовенства, образцы калмыцкихъ изящныхъ издѣлій, музыкальные инструменты, орудія, снаряды, оружіе, модели жилищъ и собраніе предметовъ, пріобрѣтаемыхъ калмыками извнѣ. Перечень предметовъ, составляющихъ коллекцію, показываетъ, что вниманіе составителей ея было обращено исключительно на внѣшній бытъ народа. Другія стороны жизни калмыка—его обычаи, вѣрованія, духовное творчество остаются въ тѣни. Не будемъ претендовать за эти пробѣлы на Управленіе калмыцкимъ народомъ. Представленіе о томъ, изъ чего должны состоять этнографическія коллекціи, также мало установилось еще въ настоящее время, какъ и представленіе о томъ, какія стороны народной жизни должны подлежать вѣдѣнію этнографіи, какъ науки. Займемся лучше тѣмъ, что есть. Собраніе кормовыхъ травъ калмыцкой степи можно спокойно обойти, его мѣсто скорѣе въ отдѣлѣ ботаники, чѣмъ этнографіи: калмыкъ неповиненъ въ томъ, что степь произрастила эти травы, а его животныя нашли ихъ годными для пищи. Область творчества калмыка, настоящій предметъ этнографіи,—начинается со второй изъ группъ, на которыя раздѣлена коллекція въ каталогѣ. Для того,

чтобы уяснить себѣ смыслъ невидныхъ по своей формѣ экспонатовъ этой группы, слѣдуетъ мысленно сопоставлять ихъ съ однородными предметами сѣверной лѣсной полосы. Изъ этого сопоставленія окажется 1), что кочевникъ употребляетъ продукты скотоводства — шерсть, кожу и кости для тѣхъ цѣлей, для которыхъ земледѣлецъ лѣсной полосы утилизируетъ растительные матеріалы: мочало, дерево; мы видимъ здѣсь посуду изъ кожи, веревки изъ шерсти и конскаго волоса, тамъ веревки изъ лыка, мочала и волоконъ копопли, посуду изъ дерева. Сопоставляя бытъ обитателей двухъ различныхъ полосъ, мы откроемъ рядомъ съ чертами различія и высокоинтересныя черты сходства. Творчество въ области приспособленія къ бытовымъ потребностямъ предметовъ окружающаго міра идетъ однимъ и тѣмъ же путемъ. Кочевникъ такъ же, какъ и житель лѣсной полосы, беретъ сначала формы, данныя природой: онъ приготовляетъ кожаный сосудъ изъ горба верблюда совершенно такъ же, какъ пермякъ выдалбливаетъ чашку или ковшъ изъ нароста, образовавшагося на березѣ.

Вторая, высшая ступень развитія наступаетъ тогда, когда человѣкъ начинаетъ видоизмѣнять данныя природой формы, а затѣмъ и произвольно придавать ихъ сырому матеріалу. Изъ другихъ предметовъ, относящихся къ быту калмыка, обращаютъ на себя вниманіе санки съ костяными полозьями, употребляемыя бѣдными приморскими калмыками. Санки, не смотря на свое современное употребленіе, даютъ намъ возможность заглянуть въ глубокую калмыцкую старину, въ ту пору, когда металлы и въ особенности желѣзо были еще неизвѣстны; по поводу этихъ санокъ слѣдуетъ сдѣлать еще одно не безъинтересное замѣчаніе: употребляемыя на крайнемъ юго-

востокѣ Европы, онѣ оказываются родичами саней, употребляемыхъ эскимосами Гренландіи на крайнемъ сѣверо-западѣ: тамъ полозьями служатъ ребра кита. Модели зимнихъ жилищъ калмыковъ показываютъ намъ степень изобрѣтательности ихъ въ области устроенія жилищъ. Послѣ приспособленной къ зимнимъ условіямъ кибитки слѣдуетъ сооруженіе, носящее явные признаки подражанія русскимъ деревяннымъ постройкамъ. Обзоръ калмыцкихъ издѣлій слѣдовало бы закончить образцами вышивокъ золотомъ и шелкомъ, характеризующими художественные вкусы и способности народа, но этой группы экспонатовъ мы коснемся позднѣе, говоря объ инородческомъ орнаментѣ въ Поволжьѣ. Переходимъ къ этнографическимъ витринамъ Уральскаго Общества Любителей Естествознанія. Не смотря на различіе звѣроловнаго и пастушескаго быта, представителями котораго съ одной стороны являются Остяки и Вогулы, съ другой Калмыки, мы увидимъ, если всмотримся въ выставленные экспонаты, общія черты въ основахъ промышленнаго творчества. Разсматривая вогульскія и остяцкія вещи, мы встрѣчаемъ экспонаты, которые говорятъ намъ о той же зависимости первобытнаго человѣка отъ формъ, данныхъ природой. Какъ калмыкъ выдѣлываетъ сосудъ изъ горба верблюда, такъ остякъ и вогулъ употребляютъ для своихъ цѣлей продукты звѣроловства и охоты: кожу, снятую съ лапки лебедя—для сумочки, шкуру, снятую цѣликомъ съ налима—для мѣшка.

Витрины съ экспонатами Уральскаго Общества Любителей естествознанія заключаютъ въ себѣ еще нѣсколько вещей, на которыхъ долженъ остановить свое вниманіе человѣкъ, интересующійся бытомъ и взаимными отношеніями населяющихъ Россію народностей. Всмотритесь въ

образцы вогульско-остяцкой и пермяцкой обуви, въ узоры пермяцкихъ поясовъ, вогульско-остяцкихъ берестяныхъ издѣлій и въ отдѣлку мѣховыхъ одеждъ тѣхъ же народовъ, и вы увидите несомнѣнное тождество формы, тождество, которое говоритъ о вѣкахъ совмѣстной жизни, которою жили когда-то (не такъ давно еще, говоря относительно) Пермяки, Остяки и Вогулы.

Переходимъ къ казанскимъ экспонатамъ. Первое мѣсто между мѣстными экспонентами принадлежитъ университетскому Музею Отечествовѣдѣнія. За нимъ слѣдуютъ Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи и частные экспоненты. Прежде чѣмъ войти въ разсмотрѣніе подробностей, отмѣтимъ, въ чемъ состоитъ то различіе, которое сразу чувствуется, когда мы переходимъ къ казанскимъ коллекціямъ отъ калмыцкой. Разбираясь въ своихъ впечатлѣніяхъ, мы отмѣчаемъ прежде всего, что казанскія коллекціи не имѣютъ той полноты, которая характеризуетъ калмыцкую. Не говоря уже о томъ, что здѣсь нѣтъ такихъ излишествъ, какимъ является, наприм., собраніе степныхъ кормовыхъ травъ, мы не видимъ въ отдѣлѣ произведеній мѣстной промышленности вообще и кустарной въ частности, равно и коллекцій предметовъ, которые и пріобрѣтаетъ тотъ или другой народъ извнѣ и которые легко могутъ быть замѣнены простымъ упоминаніемъ въ книгѣ. Но эта неполнота, взятая по отношенію къ выставкѣ въ цѣломъ, только кажущаяся. То, что Управленіе Калмыцкимъ Народомъ выполнило одно, распредѣлено по отношенію къ остальному Волжско-Камскому краю между цѣлой группой учрежденій: предметы, относящіеся къ воспитанію дѣтей, напр., выдѣлены въ особый отдѣлъ; въ особый отдѣлъ—кустарный-выдѣлены произведенія, которыя различныя народности края изготовляютъ для себя

собственными средствами; въ ремесленномъ и фабрично-заводскомъ отдѣлахъ сосредоточены образцы того, что производитъ русское населеніе края и что составляетъ предметъ ввоза для другихъ ниже стоящихъ въ культурномъ отношеніи народностей. Съ точки зрѣнія цѣльности этнографической картины выставка много выигрыла бы, еслибы научный отдѣлъ начинался геологіей, ботаникой, зоологіей, въ антропологіи и археологіи имѣлъ бы переходъ къ современнымъ низшимъ этнографическимъ группамъ и заканчивался, какъ и теперь отчасти, въ аванзалѣ русскимъ отдѣломъ, къ которому непосредственно примыкали: бы, 1) отдѣлъ кустарный, 2) учебный (въ смыслѣ профессіональномъ), 3) ремесленный, 4) фабрично-заводскій съ машиннымъ и наконецъ 5) художественный. По очень многимъ причинамъ выставка не получила и не могла получить такого устройства. Въ ряду этихъ причинъ можно отмѣтить только полную практическую невозможность подчинить единому научному интересу массу мелкихъ интересовъ—декоративныхъ, торговыхъ и всякихъ другихъ. Передѣлать выставку было бы немного трудно; посѣтителямъ остается расположить свое обозрѣніа выставки по тому плану, который намѣченъ выше. Остановимся на казанскихъ экспонатахъ этнографическаго характера.

Правую стѣну галлереи занимаютъ фотографіи волжскихъ инородцевъ-Черемисъ горныхъ и луговыхъ, Чувашъ верховыхъ и низовыхъ, Вотяковъ-Ваткá и Калмезовъ, Пермяковъ, Мордвы-Мокши и Татаръ. Снимки, которымъ не хватило здѣсь мѣста, расположены на отдѣльныхъ щиткахъ въ среднемъ и лѣвомъ проходахъ. Общее число фотографій одного Музея Отечествовѣдѣнія доходитъ до 250. Фотографіи раздѣляются на два основныхъ разряда. Первый можно назвать антропологическимъ. Сюда относятся пояс-

ные снимки въ фасъ и профиль, имѣющіе цѣлью дать понятіе о типѣ лица—формѣ носа, губъ и т. д. Второй, гораздо болѣе обширный отдѣлъ, составляютъ фотографіи, иллюстрирующія бытъ инородцевъ—сюда относятся общіе виды деревень, виды деревенскихъ улицъ, водоемовъ, домовъ, гуменъ, овиновъ, пчельниковъ, сѣноваловъ, клѣтей, отдѣльныя части построекъ—крыльца, двери, окна. Разсматривая этотъ отдѣлъ, посѣтитель выставки имѣетъ прежде всего возможность ознакомиться съ исторіей развитія инородческаго жилища. Начиная съ коническаго овина, который является остовомъ былого чума, переходя черезъ курную избу съ открытымъ ходомъ (пермяцкая изба), инородецъ постепенно переходитъ къ русскому дому, идеалъ котораго имѣется тутъ-же въ видѣ модели дома, какой строятъ раскольники-бѣгуны, къ дому съ крытымъ крыльцомъ, сѣнями и т. д.. Обозрѣніе жилищъ дастъ посѣтителю первую мѣрку культурности отдѣльныхъ инородческихъ племенъ. Низшую ступень развитія представляютъ постройки пермяковъ, за ними слѣдуетъ чувашскія, вотяцкія и наконецъ горно-черемисскія. Въ послѣднихъ посѣтитель встрѣчаетъ знакомыя рѣзныя ворота съ двускатной крышей, окна съ рѣзными наличниками. Все это заимствовано черемисами у русскихъ и носитъ печать заимствованія въ самыхъ названіяхъ—«русскія ворота», «русское окно». Костромской, Вятскій или Нижегородскій плотникъ является для черемисина учителемъ, раскрывающимъ новые архитектурные горизонты. Онъ смѣло переноситъ на верея крестьянскихъ воротъ мотивы колоннъ, которыя онъ видѣлъ въ церквахъ, покрываетъ затѣйливыми арабесками рамку, надъ которой сооружается двускатная кровля воротъ. Снимки съ двускатныхъ воротъ, сдѣланные въ горно-черемис-

скихъ деревняхъ, заслуживаютъ вниманія и помимо того, что они являются показателями русскаго вліянія на черемисъ. Мы знакомимся по нимъ съ вліяніемъ церковной архитектуры на крестьянскую въ области орнамента. Далѣе слѣдуютъ фотографіи, относящіяся непосредственно къ быту инородцевъ. Мы видимъ инородческую женщину за мятьемъ конопли, очищеніемъ конопляныхъ волоконъ отъ костриги, колоченіемъ холста, вышиваніемъ, за пряжей шерсти и тканьемъ, за колоченіемъ сукна, обвареннаго горячей водой (чтобы сдѣлать ткань болѣе плотной), мужика за кустарными промыслами и домашними работами. Здѣсь-же фигурируютъ и первобытныя орудія труда: мельница-ступа и деревянные жерновки съ наколоченными чугунными полосками, деревянная борона, до сихъ поръ сохранившаяся въ употребленіи инородцевъ. За фотографіями, относящимися къ обыденной трудовой жизни, мы видимъ другія, которыя знакомятъ насъ съ исключительными, важнѣйшими моментами жизни. № 4, ст. 8 знакомитъ насъ съ чувашской свадьбой. На дворѣ устроенъ, такъ называемый, «шиликъ»: подъ воткнутой въ землю березкой установленъ столъ съ угощеніемъ, за которымъ сидитъ отецъ невѣсты, сватъ и почетные гости—деревенскіе старики, дальше на скамьяхъ, образующихъ большой четыреугольникъ, сидятъ остальные гости—поѣзжане и родня; за ними толпятся зрители-сосѣди. № 5 ст., 4 представляетъ моментъ прощанія невѣсты съ отцомъ—она подноситъ ему въ послѣдній разъ чашку съ пивомъ, старшая замужняя сестра или какая-нибудь другая женщина протягиваетъ одновременно приготовленный невѣстѣ подарокъ—рубашку ея работы. № 6, ст. 4 представляетъ экипажъ съ невѣстой, готовый тронуться въ путь: на козлахъ сидятъ

женихъ и сватъ, въ кибиткѣ, прислонившись спиной къ кузову, стоитъ сваха въ парадномъ костюмѣ, съ платкомъ въ рукахъ. Этимъ платкомъ она размахиваетъ во время пѣнія. № 3 ст. 3 знакомитъ насъ съ остатками языческой старины—мы видимъ чувашъ за напольнымъ моленіемъ предъ началомъ пашни: обратившись лицомъ къ востоку съ жрецомъ по срединѣ передъ горящими кострами, которые должны принять жертву (кусочки съѣстнаго и капельки пива), чуваши призываютъ къ себѣ помощь космическихъ боговъ. Подобное же моленіе, моделированное на дворѣ, имѣется на щитѣ съ черемисскими фотографіями изъ д. Кокшамаръ. Мы видимъ здѣсь два момента празднества: молитву и пиръ. Отмѣтимъ, наконецъ, фотографіи, которыя ведутъ насъ на чувашское кладбище и знакомятъ съ переживаніями древняго языческаго погребальнаго обряда: на деревцѣ, подъ которымъ схороненъ покойникъ, развѣвается тряпка или кусокъ одежды, на могилѣ и около нея валяются разбитыя чашки, кадочки, пивные ковшечки. Это переживанія обычая снабжать умершаго всѣми принадлежностями земной жизни. На щитѣ съ пермяцкими фотографіями мы знакомимся съ обычаемъ провожать покойника на саняхъ даже лѣтомъ. За фотографіями слѣдуютъ по той же сторонѣ отдѣла горки съ инородческой посудой. Начиная отсюда, мы вступаемъ въ область самобытнаго или, по крайней мѣрѣ, свободнаго отъ русскаго вліянія творчества инородцевъ. Мы имѣемъ издѣлія вотяковъ, пермяковъ, черемисъ и чувашъ. Несмотря на свою относительную скудность, собранный матеріалъ даетъ возможность отмѣтить нѣсколько интересныхъ въ культурно-историческомъ отношеніи фактовъ. Посуда рѣзко различается на орнаментированную и неорнаментированную:

первая принадлежитъ вотякамъ и пермякамъ, вторая черемисамъ и чувашамъ, другими словами, инородцамъ, входившимъ въ составъ бывшаго Булгарскаго царства.

Говоря о неорнаментированной посудѣ, слѣдуетъ прежде всего указать на отмѣченную уже выше зависимость мастера отъ формъ, данныхъ природой. Въ болѣе тонкихъ издѣліяхъ этого типа обращаетъ на себя вниманіе сходство ихъ формъ съ формами древнихъ русскихъ металлическихъ издѣлій того-же назначенія (см. большіе ковши). На образцахъ этой же неорнаментированной посуды, пользуясь сосѣдними фотографіями, мы можемъ ознакомиться съ исторіей развитія нѣкоторыхъ формъ утвари. Разсмотримъ въ послѣдовательномъ порядкѣ выдолбленный съ одного конца кусокъ древеснаго ствола, въ которомъ чувашка толчетъ коноплю, ступу на щитѣ съ черемисскими фотографіями, той же формы солоницу-ступку и наконецъ деревянную рюмку, и мы въ состояніи будемъ открыть отдаленныхъ родичей нашихъ серебряныхъ и стеклянныхъ рюмокъ и прослѣдить постепенное облагораживаніе ихъ формы. Въ орнаментированной посудѣ мы имѣемъ передъ собою зародыши инородческаго *искусства*. Не слѣдуетъ смущаться скромными размѣрами того, что обозначается этимъ, имѣющимъ у культурныхъ народовъ широкое содержаніе, словомъ. Искусство, какъ формы общественной жизни, какъ и наука, философія и религія, развивалось въ теченіи тысячелѣтій человѣческой исторіи. Его зародыши относятся къ такъ называемому каменному вѣку. Еще тогда человѣкъ рядомъ съ стремленіемъ къ пользѣ почувствовалъ потребность красоты и сдѣлалъ первый шагъ въ область творчества, нацарапавши на каменномъ топорѣ или костяномъ ножѣ орнаментъ—нѣсколько пря-

мыхъ или ломанныхъ линій, грубое подобіе одного изъ окружавшихъ его животныхъ. Съ этихъ поръ начинается служебный періодъ въ исторіи искусства. Какъ орнаментъ, оно является на орудіяхъ, жилищахъ, одеждѣ, даже на кожѣ живого человѣка. Позднѣе, у наиболѣе способныхъ народовъ искусство освободилось отъ служебной роли по отношеніи къ предметамъ внѣшняго быта и пріобрѣло въ видѣ картинъ и статуй самостоятельное значеніе. У другихъ, менѣе одаренныхъ и менѣе благопріятно обставленныхъ, членовъ человѣческой семьи, оно такъ и осталось на этой зачаточной стадіи развитія. На этой ступени развитія мы видимъ его и у нашихъ инородцевъ. Исходъ своимъ творческимъ стремленіямъ, удовлетвореніе своей потребности въ красотѣ, чувашинъ и черемисинъ находятъ въ украшеніи предметовъ повседневнаго быта—они вырѣзываютъ ручки своихъ ковшей, обводятъ веревчатымъ орнаментомъ чашки, покрываютъ, какъ мы увидимъ дальше, вышивками свою одежду. Какъ ни скромны, какъ ни доступны, повидимому, для каждаго формы инородческаго орнамента—и здѣсь не обходится безъ вліянія одного народа на другой, безъ подражаній и заимствованій. Сопоставивши издѣлія черемисъ и чувашъ, мы замѣтимъ, что мотивы орнамента разграничены Волгой: на с. отъ Волги, въ области луговыхъ и вятскихъ черемисъ ручка ковша украшается обыкновенно фигурой медвѣдя или птицы; на ю., въ области чувашъ и горныхъ черемисъ—фигурой коня. Ковши съ коньками на ручкѣ оказываются поразительно сходными у чувашъ и черемисъ. Это какъ будто произведенія одного народа, разнообразящіяся въ мелочахъ по деревнямъ и семьямъ. На самомъ дѣлѣ мы имѣемъ предъ собой предметы быта народовъ, принадлежащихъ къ двумъ

различнымъ семьямъ—тюркской (чуваши) и финской (черемисы). Для объясненія сходства слѣдуетъ предположить вліяніе одного народа на другой. Но кто въ данномъ случаѣ является творцомъ, кто подражателемъ? Вопросъ могъ бы быть рѣшенъ только въ томъ случаѣ, еслибы на выставкѣ мы имѣли передъ собой посуду и другія деревянныя издѣлія всѣхъ финновъ и всѣхъ тюрковъ Волжскаго бассейна. Имѣющійся на лицо матеріалъ недостаточенъ. Мы можемъ сравнить черемисскую и чувашскую посуду съ вотяцко-пермяцкой и, не найдя на послѣдней орнамента, сдѣлать заключеніе, что восточнымъ финнамъ чуждо стремленіе украшать посуду и, стало-быть, черемисы заимствовали эту привычку отъ чувашъ, но вотяки и черемисы принадлежатъ къ двумъ различнымъ группамъ финскаго племени—пермской и волжско-болгарской. Заключеніе было-бы ближе къ правдѣ, еслибы мы не отыскали рѣзной посуды у ближайшихъ родичей черемисъ—мордвы. Къ сожалѣнію соотвѣтствующій мордовскій матеріалъ, благодаря стеченію особаго рода неблагопріятныхъ условій, на выставкѣ отсутствуетъ.

Но еслибы послѣ ознакомленія съ деревянными издѣліями мордвы мы и пришли къ заключенію, что волжскіе финны стали украшать свою посуду изъ подражанія сосѣдямъ, передъ нами выступилъ-бы другой вопросъ—самостоятельны-ли въ своемъ творчествѣ сами чуваши. Еслибы рѣзьба по дереву и съ тѣмъ-же характеромъ была распространена среди всѣхъ тюрковъ, живущихъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ—татаръ, башкиръ и отчасти киргизовъ—вопросъ можно было бы рѣшить положительно. Къ сожалѣнію на выставкѣ имѣется всего нѣсколько черпаковъ киргизской работы—и совсѣмъ нѣтъ башкирскихъ деревянныхъ издѣлій. Вопросъ остается от-

крытымъ, хотя отсутствіе деревянной рѣзьбы у татаръ и особый характеръ киргизскихъ деревянныхъ издѣлій заставляютъ предполагать, что чуваши съ своей оригинальной посудой стоятъ особнякомъ отъ другихъ членовъ тюркской семьи. Минуя щитокъ съ фотографіями русскаго населенія Чебоксарскаго уѣзда и модель деревяннаго сѣверно-русскаго дома, мы переходимъ къ коллекціямъ, расположеннымъ напротивъ, въ галлереѣ, выходящей окнами на улицу. Передъ нами прежде всего собраніе инородческихъ головныхъ уборовъ, -тутъ мы видимъ черемисскіе, мордовскіе, чувашскіе, пермяцкіе, вотяцкіе и татарскіе головные уборы. При всемъ кажущемся разнообразіи, они распадаются на три главныхъ группы: къ первой относятся уборы съ коническимъ верхомъ—тюрики, къ второй сороки или кокошки, къ третьей шапочки, убранныя бисеромъ и монетами.

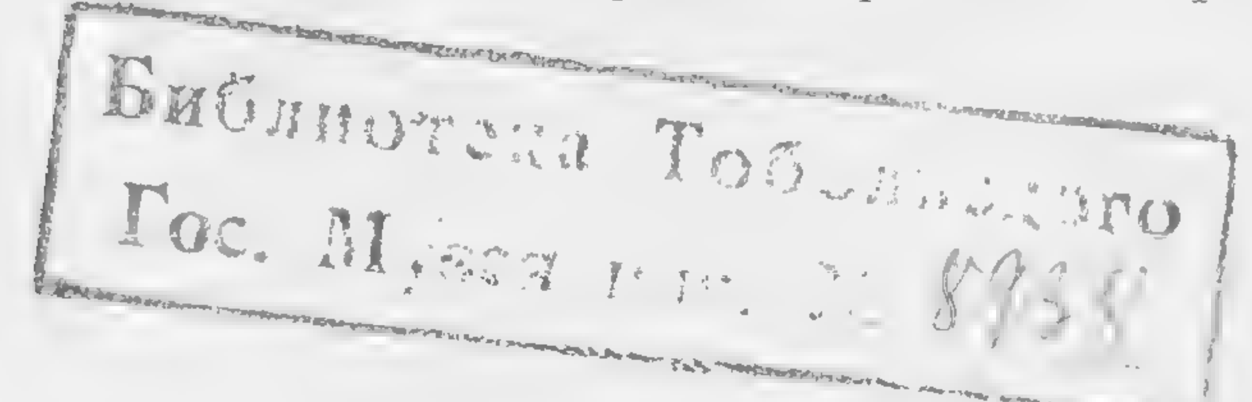
Разсматривая эту коллекцію, мы отмѣчаемъ прежде всего новый фактъ, характеризующій взаимныя культурныя отношенія поволжскихъ инородцевъ. Головные уборы черемисъ по своимъ основнымъ формамъ оказываются тождественными съ мордовскими: черемисскій тюрикъ имѣетъ родичей въ головномъ уборѣ Мордвы-Эрзи Нижегородской губерніи. Сорока въ свою очередь оказывается общимъ головнымъ уборомъ для черемисъ и мордвы. Но при этомъ замѣчается любопытное явленіе: обѣ общія у черемисъ съ мордвой формы головнаго убора оказываются въ Вятской губерніи и на границѣ Царевококшайскаго и Козмодемьянскаго уѣздовъ съ Вятской губерніей, вдали отъ Волги. По обоимъ берегамъ Волги онѣ исчезаютъ и замѣняются чувашскими полотенцами (чалма, сорбанъ, шарпанъ) и повязкой, украшенной монетами (хошпу, ошпю). Мы снова встрѣчаемся съ фактомъ культурнаго взаимо-

дѣйствія чувашъ и черемисъ. Помимо этого наблюденія насъ можетъ удержать около витрины съ головными уборами и другое. Мы имѣемъ здѣсь возможность наблюдать исторію развитія основныхъ формъ приволжскаго головнаго убора. Первообразомъ тюрика является кусокъ ткани, перегнутый пополамъ и сшитый съ одного конца. Въ своей простѣйшей формѣ этотъ головной уборъ удержался у зырянъ и называется «накомарникомъ», такъ какъ защищаетъ щеки и шею отъ укусовъ комаровъ. Такое же назначеніе уборъ имѣлъ, несомнѣнно, въ первое время и у черемисъ (онъ называется по черемисски шима—шобычъ или шимакша—платокъ отъ комаровъ). Безъ украшеній вышивками его носятъ мущины, отправляющіеся «лѣсовать». Въ рукахъ женщинъ «накомарникъ» подвергся существеннымъ измѣненіямъ. Онъ покрылся вышивками, уменьшился въ размѣрахъ и сталъ надѣваться такимъ образомъ, что пересталъ уже удовлетворять своему прямому назначенію (см. фотографіи черемисъ Красноуфимск. уѣзда). У мордовскихъ женщинъ его формы видоизмѣнились еще сильнѣе: онъ получилъ придатки для болѣе прочнаго укрѣпленія на головѣ. Черемисская сорока, мордовскій и русскій кокошникъ представляютъ собою другую форму, которая развилась у расшитаго платка, который повязывался на головѣ концами назадъ. Соотвѣтственно своимъ тремъ основнымъ частямъ: —начелышу, концамъ и куску, спускающемуся съ темени на шею, платъ замѣнился уборомъ, въ которомъ всѣ три части отдѣланы самостоятельно. Ближе другихъ къ первичной формѣ стоятъ черемисская сорока и выгнутые русскіе кокошники (витрина №   ), дальше мордовскій кокошникъ, еще далѣе мещеряцкій съ особымъ бисернымъ подзатыльникомъ. Здѣсь же обращаетъ на

себя вниманіе оригинальный по формѣ черемисскій уборъ шуркá. Въ XVII в. онъ обратилъ на себя вниманіе Олеарія, въ XVIII его описывалъ Г. Ф. Мюллеръ. Въ настоящее время онъ удержался въ одной (Шиньшинской) волости Царев. у.

Отъ витрины съ головными уборами мы переходимъ къ щитамъ и витринамъ съ головными, шейными, грудными и поясными украшеніями инородцевъ Волжско-Камскаго края. Здѣсь мы встрѣчаемся прежде всего съ обильнымъ матеріаломъ, относящимся къ вышиванью. Мы опять въ сферѣ искусства на служебной ступени его развитія.

Для того, чтобы сдѣлать тѣ или другіе выводы изъ богатаго матеріала, представленнаго главнымъ образомъ Музеемъ Отечествовѣдѣнія и Обществомъ Археологіи и Этнографіи (болѣе 150 отдѣльныхъ №№, не считая узоровъ, которые можно изучать на вещахъ, входящихъ въ составъ палатки) слѣдуетъ принять во вниманіе тѣ образцы инородческихъ вышивокъ, которые имѣются въ Калмыцкомъ и Уральскомъ отдѣлахъ и кромѣ того въ витринахъ съ образцами татарскихъ и среднеазіатскихъ тюбетеекъ и обуви. При такомъ сравнительномъ изученіи явится возможность различить основные типы орнамента по народностямъ. Начнемъ наше обозрѣніе съ образцовъ финскаго орнамента. Сравнивая узоры на остяцко-вогульскихъ берестяныхъ издѣліяхъ и одеждахъ, на пермяцкихъ головныхъ уборахъ и опоясках, на щитахъ съ вотяцкими и черемисскими вышивками, мы находимъ, что въ отношеніи орнаментальныхъ мотивовъ всѣ восточные финны распадаются на три группы. Первую группу составляютъ пермяки, вогулы и остяки. Мы уже раньше замѣтили, что узоры, которыми эти три народца

украшаютъ свои издѣлія, обнаруживаютъ близкое сходство. Всмотримся теперь въ нихъ поближе для того, чтобы уяснить себѣ ихъ происхожденіе. Сопоставивши узоры на пермяцкихъ поясахъ и вогульско-остяцкихъ одеждахъ съ мѣховой отдѣлкой, мы имѣемъ возможность сдѣлать предположеніе, что пермяки перенесли на ткацкія работы орнаментальные мотивы, выработанные въ пору, когда они одѣвались въ звѣриныя шкуры (что такая пора у пермяковъ была, свидѣтельствуетъ языкъ). Орнаментъ, составленный изъ пересѣкающихся различнымъ образомъ прямыхъ линій, какъ нельзя болѣе удобенъ для человѣка, одѣвающагося въ шкуру звѣрей: стоитъ нарѣзать полосокъ изъ оленьяго или другаго мѣха и нашивать ихъ, комбинируя тѣмъ или другимъ образомъ. Образцы такого орнамента имѣются на остяцко-вогульскихъ вещахъ. Что представляютъ собою эти сочетанія линій—элементарныя ли геометрическія фигуры или предметы изъ окружающаго растительнаго и животнаго міра? Обозрѣніе всѣхъ (къ сожалѣнію очень немногочисленныхъ) узоровъ этой группы показываетъ, что остякамъ и вогуламъ не чуждо стремленіе воспроизводить на своихъ издѣліяхъ деревья. Рисунокъ ели довольно отчетливо можно видѣть на коробушкѣ. Это-же стремленье мы замѣчаемъ на пермяцкихъ шитыхъ бисеромъ шамшурахъ (витрина XXIII).

Вторую группу въ области орнамента представляютъ собою вотяки. На выставкѣ имѣются въ количествѣ пятидесяти экземпляровъ образцы вышивокъ сѣверныхъ, глазовскихъ вотячекъ. Въ отличіе отъ пермяцкаго вотяцкій орнаментъ имѣетъ ясно выраженный геометрическій характеръ: мы видимъ различнымъ образомъ скомбинированные треугольники и многоугольники. На это отличіе слѣдуетъ обратить вниманіе въ виду той близости обо-

ихъ народовъ, о которой свидѣтельствуетъ языкъ. Оно какъ будто намекаетъ на то, что вотяки и пермяки разошлись еще на той ступени развитія, когда имъ неизвѣстно было употребленіе тканей на одежды.

Третью группу и наиболѣе интересную представляютъ образцы черемисскаго орнамента. Черемисскій орнаментъ выдѣляется изъ другихъ финскихъ и богатствомъ мотивовъ и ихъ сравнительной оригинальностью. Всматриваясь въ щитъ съ черемисскими вышивками, посѣтитель выставки, несомнѣнно, остановитъ вниманіе на начелышахъ «сорокъ» яранскаго и ветлужскаго уѣздовъ, покрытыхъ довольно отчетливо выполненнымъ звѣринымъ орнаментомъ: на одномъ начелышѣ представлены два животныхъ, симметрично расположенныхъ по бокамъ дерева, на другомъ два животныхъ съ птицей надъ каждымъ. Рядомъ имѣютъ мѣсто образцы растительнаго орнамента. Изъ характера выставленныхъ узоровъ становится очевиднымъ, что черемиска—вышивальщица стремится воспроизвести на своей работѣ предметы окружающаго міра. Этотъ выводъ вполнѣ оправдается и точнѣе формулируется, если мы обратимъ вниманіе на невидный, но драгоцѣнный экспонатъ, доставленный на выставку *по своему почину* группой черемисъ яранскаго уѣзда. Экспонатъ этотъ представляетъ собою листъ съ рядомъ грубо сдѣланныхъ перомъ узоровъ черемисскаго шитья *съ черемисскими названіями каждаго изъ нихъ*. Эти названія проливаютъ яркій свѣтъ на происхожденіе черемисскаго орнамента. Встрѣчая названія узоровъ—листъ дуба, листъ клена, листъ рябины, шея утки, шея гуся, грива лошади, рога барана—мы имѣемъ полную возможность уяснить себѣ условія, при которыхъ возникалъ черемисскій орнаментъ.

Новыя и весьма поучительныя соображенія на счетъ

исторіи черемисскаго орнамента возникаютъ, когда мы присмотримся къ расположеннымъ на сосѣднемъ щитѣ чуваніскимъ вышивкамъ.

Всматриваясь на черемисскія и чувашскія вышивки, мы открываемъ въ нихъ такъ же, какъ и въ посудѣ, замѣчательное тождество мотивовъ. Вышивки черемисокъ Козмодемьянскаго уѣзда оказываются совершенно однородными по мотивамъ съ чувашскими изъ того-же уѣзда; это совпаденіе наблюдается и внѣ Козмодемьянскаго уѣзда въ пограничныхъ черемисскихъ селеніяхъ Царевококшайскаго. Вышивки низовыхъ чувашекъ въ свою очередь оказываются иногда черта въ черту тождественными съ вышивками черемисокъ заволжной, противолежащей стороны. Стоитъ сравнить фату, занимающую центръ чувашскаго щита, съ одной черемисской фатой въ витринѣ съ экспонатами учительницъ Царевококшайскаго уѣзда. Это сходство техники и мотивовъ говоритъ о культурномъ взаимодѣйствіи сосѣднихъ, но не родственныхъ народовъ и выдвигаетъ вопросъ о томъ, кто здѣсь, въ области орнамента, является творцомъ и кто подражателемъ. Намъ еще разъ приходится отмѣтить тотъ интересный фактъ, что чуваши, обособляясь отъ всѣхъ приволжскихъ тюрковъ, одни обнаруживаютъ общіе съ мѣстными финнами вкусы—въ данномъ случаѣ къ бѣлому цвѣту въ матеріалѣ одежды и къ вышивкамъ въ ея украшеніи. Помимо своего происхожденія и сходства съ чувашскимъ, черемисскій орнаментъ обнаруживаетъ еще одну любопытную черту: отдѣльные мотивы оказываются замѣчательно близкими къ мотивамъ чудскихъ бронзовыхъ издѣлій: рисунокъ, изображающій животное съ парящей надъ нимъ птицей, поразительно напоминаетъ бронзовую группу, находящуюся въ коллекціи Ѳ. А. Тепло-

ухова. На черемисскихъ вышивкахъ мы заканчиваемъ обозрѣніе финскаго орнамента на выставкѣ. Къ сожалѣнію слѣдуетъ еще разъ отмѣтить, что самая крупная изъ финскихъ народностей—Мордва—вслѣдствіе стеченія особаго рода неблагопріятныхъ условій—слабо представлена экспонатами музея Отечествовѣдѣнія. По одной мокшанской рубашкѣ, нѣсколькимъ эрзянскимъ рубашкамъ и кафтанамъ и полудюжинѣ рукавныхъ терюханскихъ вышивокъ сдѣлать какіе-нибудь выводы о характерѣ мордовскаго орнамента нельзя.

Переходимъ къ тюркскому орнаменту. Образцами его въ этнографическомъ отдѣлѣ выставки являются вышивки чувашъ и крещеныхъ татаръ. Щитъ съ чувашскими вышивками даетъ намъ возможность указать лишній признакъ, обособляющій верховыхъ чувашъ (живутъ въ Козмодемьянскомъ, Ядринскомъ и части Чебоксарскаго уѣзда—на з. отъ р. Цивиля) отъ низовыхъ (живутъ гл. обр. въ Чебоксарскомъ и Цивильскомъ уѣздахъ) Объединяясь между собою отсутствіемъ звѣринаго орнамента—въ отличіе отъ черемисскихъ—узоры верховыхъ и низовыхъ чувашъ различаются во всемъ остальномъ. У низовыхъ чувашъ (центръ щита) мы видимъ тяготѣніе къ растительному орнаменту—цвѣтамъ; верховые разрабатываютъ почти исключительно геометрическій орнаментъ. Если посѣтитель выставки дастъ себѣ трудъ послѣ обозрѣнія щита съ чувашскими вышивками пройти въ ремесленный отдѣлъ и присмотрѣться къ текинскимъ коврамъ, онъ подмѣтитъ, несомнѣнно, весьма интересную близость мотивовъ и техники верхово-чувашскихъ вышивокъ къ мотивамъ и техникѣ текинскихъ ковровыхъ издѣлій. Особенная близость обнаружится между этими издѣліями и чувашскими вышивками, которыя въ отличіе отъ дру-

гихъ можно назвать «ковровыми». Можетъ быть, у иныхъ изъ посѣтителей предъ этой витриной зародится и другая мысль — о родствѣ низовочувашскаго орнамента съ бухарскимъ и самаркандскимъ. Мы не будемъ оспаривать, но, въ виду недостаточной рельефности матеріала, не будемъ и поддерживать этого предположенія. Передъ нами намеки на то значеніе, которое когда-то имѣла среднеазіатская культура въ жизни инородцевъ булгарскаго царства. Переходимъ къ другой тюркской народности края — татарамъ (мы называемъ татаръ тюрками въ виду подавленія въ нихъ монгольской стихіи тюркской).

Сравненіе крещено-татарскаго орнамента съ мусульманско-татарскимъ обнаруживаетъ внутри татарскаго населенія казанскаго края существованіе такихъ же различій, какія замѣчаются внутри другихъ народностей. Вышивки золотомъ и шелкомъ (тюбеттеи и женскіе колпаки), исполненныя казанскими татарками — горожанками (фабрично-заводскій отдѣлъ — витрины Сабитова) рѣзко обособляются отъ крещено-татарскихъ. Въ нихъ чувствуется уже замѣтно восточное арабское вліяніе — цвѣты, арабески — тогда какъ крещено-татарская вышивка шелкомъ подходитъ по своимъ мотивамъ къ финскимъ — черемисскимъ (богато разработанный крестъ).

Съ башкирскимъ орнаментомъ мы можемъ познакомиться только по нѣсколькимъ экземплярамъ скатертей и полотенецъ, которыя прибиты на щитѣ VIII. По своему характеру онъ можетъ быть названъ геометрическимъ и на нѣкоторыхъ экземплярахъ (полотенца на щитѣ) напоминаетъ орнаментъ пермяцкій и родственные ему сибирскіе.

О характерѣ киргизскаго орнамента, представленнаго нѣсколькими украшеніями сбруи, коврами и тесьмами палатокъ, мы въ виду незначительности матеріала не рѣ-

шаемся сказать что нибудь положительное. Отмѣтимъ только крестовый узоръ на коврахъ, напоминающій однородные узоры черемисъ и чувашъ. Гораздо яснѣе выступаетъ со своими особенностями орнаментъ монгольскій — калмыцкій. Выставленные калмыцкимъ управленіемъ образцы изящныхъ издѣлій калмыковъ отличаются богатствомъ матеріала и бѣдностью мотивовъ. Преобладающимъ почти единственнымъ мотивомъ въ вышивкахъ является мотивъ, который можно назвать полуциркульнымъ въ виду того, что вышивка представляетъ собою рядъ полукруговъ. Этотъ мотивъ мы встрѣчаемъ на шапкахъ и одеждахъ въ витринахъ и на изголовьяхъ въ кибиткѣ.

Витрины XVIII и XX съ шейными и грудными украшеніями заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ, интересный, помимо своего бытоваго значенія и съ точки зрѣнія культурно-исторической: здѣсь мы прежде всего еще разъ наталкиваемся на фактъ культурнаго взаимодѣйствія тюркскаго и финскаго міра. Въ витринѣ № XVIII мы имѣемъ принадлежащія Музею Отечествовѣдѣнія вотяцкія и черемисскія украшенія. Среди вотяцкихъ украшеній наше вниманіе останавливается прежде всего на особаго рода ожерельѣ изъ латуни. Однородныя по формѣ украшенія оказываются у татаръ, башкиръ и сосѣднихъ съ ними инородцевъ. Тождество съ татарскими и башкирскими обнаруживаетъ также чулпа (косная привѣска) № 6. Среди черемисскихъ украшеній заимствованіемъ у тюрковъ представляется перевязь черезъ плечо (шш — аршашъ). Мы видимъ ее въ витринѣ съ чувашскими украшеніями и въ витринѣ, заключающей въ себѣ принадлежности женскаго башкирскаго костюма. Здѣсь она является въ видѣ ленты, унизанной серебряными деньгами съ подушечкой, въ которой зашита молитва.

Грудныя украшенія Яранскаго и Козмодемьянскаго уѣздовъ по основнымъ чертамъ оказываются также тождественными съ чувашскими.

Шейное украшеніе Царевококшайскаго уѣзда любопытно по употребленію медвѣжьяго зуба, какъ амулета. Поясное украшеніе № 37 дастъ понятіе о формѣ, которую имѣли въ цѣломъ куски украшеній, добытые изъ черемисскихъ могилъ Козмодемьянскаго уѣзда и заключающіеся въ витринѣ XIX. Переходимъ къ витринѣ съ чувашскими предметами. Правую сторону ея занимаютъ вещи низовыхъ чувашъ (половина Чебоксарскаго уѣзда —на В. отъ р. Цивиля, Цивильскаго уѣзда, лѣвую вещи верховыхъ чувашъ, Козмодемьянскій, Ядринскій и половина Чебоксарскаго у.). Въ первой группѣ предметовъ слѣдуетъ обратить вниманіе на грудное украшеніе № 3; по своей формѣ оно является какъ бы оригиналомъ для того, которое мы видимъ на рисункѣ Георги—путешественника послѣдней четверти XVIII в. Затѣмъ съ точки зрѣнія вопроса о взаимныхъ культурныхъ отношеніяхъ черемисъ и чувашъ интереснымъ является дѣвичье ожерелье № 6, пріобрѣтенное близъ Маріинскаго посада, совершенно тождественное съ ожерельемъ, которое носится черемисками юго-восточной части Царевококшайскаго у. и западной окраины Казанскаго.

Витрины съ шейными и грудными украшеніями заключаютъ въ себѣ матеріалъ не для однихъ только сужденій о взаимодѣйствіи приволжскихъ тюрковъ и финновъ. Мы находимъ въ нихъ и такія вещи, которыя позволяютъ установить связь между современными инородцами волжско-камскаго края и тѣми исчезнувшими поколѣніями, могилы которыхъ даютъ матеріалъ для археологическихъ коллекцій.

Сравнимъ серьги, доставленныя изъ черемисскихъ селеній Царевококшайскаго уѣзда, серьгу, пріобрѣтенную для Музея Отечествовѣдѣнія у черемисъ Костромской губерніи (витр. XVII), пермяцкія серьги, пріобрѣтенныя для Музея Отеч. въ Соликамскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, круглыя ширкамы Бирскаго уѣзда съ образцами серегъ и круглыми, прорѣзными бляхами, представленными на таблицахъ чудскихъ древностей Ө. А. Теплоухова, и въ атласѣ мерянскихъ древностей гр. Уварова и мы увидимъ, что древнія чудскія и мерянскія формы украшеній живутъ до сихъ поръ у приволжскихъ потомковъ этихъ исчезнувшихъ народовъ. Звеномъ, соединяющимъ современныя инородческія вещи съ древними чудскими и мерянскими являются вещи, извлеченныя изъ инородческихъ могилъ (витрина № 19).

Переходимъ къ инородческимъ одеждамъ. Съ какой точки зрѣнія слѣдуетъ разсматривать этотъ въ буквальномъ смыслѣ слова пестрый матеріалъ? Прислушаемся къ тѣмъ сужденіямъ, которыя высказываются публикой. Большая часть посѣтителей проходитъ мимо инородческихъ рубашекъ и кафтановъ съ лаконическими замѣчаніями: «красиво», «безобразно». Есть и такіе посѣтители, которые ничего не говорятъ, но лица которыхъ свидѣтельствуютъ о недоумѣніи на счетъ того, зачѣмъ выставлены тутъ такія неподходящія къ «журнальному» идеалу текущаго дня одѣянія. Оставляя въ покоѣ судей, отражающихъ на себѣ въ большинствѣ колебанія моднаго барометра, займемся недоумѣвающими. Костюмъ есть такой-же продуктъ народнаго творчества и признакъ народности, какъ жилище и утварь въ области внѣшняго быта, языкъ, поэзія и право въ области внутренняго.

Лучшимъ показателемъ научнаго значенія костюма

является костюмъ мордвы-терюханъ Нижегородской губерніи (правая стѣна палатки). Терюхане, называя сами себя мордвой, тѣмъ не менѣе успѣли на столько обрусѣть, что не говорятъ уже между собою по мордовски и считаютъ языкъ, который употребляетъ мордва эрзя, татарскимъ.

Эта-то «русская» мордва сохранила, какъ послѣдній признакъ своей народности костюмъ, формы котораго тождественны съ эрзянскими. Костюмъ является въ данномъ случаѣ признакомъ, по которому можно опредѣлить, изъ какихъ элементовъ образовалось объединенное языкомъ и формами быта населеніе Нижегородскаго уѣзда. По району его распространенія можно опредѣлить до извѣстной степени границы мордовскихъ поселеній въ Нижегородскомъ уѣздѣ. Установивши эту точку зрѣнія на костюмъ, мы оцѣнимъ научное значеніе мещерядкаго костюма, употребляемаго на небольшомъ пространствѣ, находящемся на границахъ. Пензенской и Тамбовской губерніи (тутъ-же № 1). Костюмъ этотъ принадлежитъ народности, которая, говоря, подобно терюханамъ, по русски, тѣмъ не менѣе сама обособляетъ себя отъ русскихъ подъ именемъ мещеряковъ. Если кто изъ посѣтителей казанской выставки побываетъ потомъ въ Москвѣ въ Дашковскомъ этнографическомъ музеѣ, онъ замѣтитъ, безъ сомнѣнія, тождество этого костюма съ костюмомъ, который употребляется въ губерніяхъ Рязанской, Тульской, Калужской и Орловской, гдѣ населеніе сплошь русское и считаетъ себя искони русскимъ. Тождество костюма дастъ этому посѣтителю право предположить присутствіе финскаго. точнѣе мещерядкаго элемента, въ древнемъ населеніи названныхъ губерній. Чтобы покончить съ костюмомъ, какъ показателемъ народности или от-

дѣльной ея вѣтви, обратимъ вниманіе на двѣ чувашскихъ рубашки на стойкѣ съ чувашскими костюмами. Одна изъ этихъ рубашекъ доставлена изъ Уфимской губерніи, другая вмѣстѣ съ образцами низово-чувашскаго шитья, пріобрѣтена Музеемъ Археологическаго Общества въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, Казанской губ. Тождество этихъ рубашекъ даетъ возможность опредѣлить, изъ какой чувашской области переселились чуваши въ Уфимскую губернію и такимъ образомъ разрѣшить одинъ изъ частныхъ вопросовъ исторіи колонизаціи Волжско-Камскаго края.

Съ этой-же точки зрѣнія интересны и еще два-три образца одежды. Между щитами съ черемисскими вышивками и башкирскими тканями помѣщается стойка съ костюмами такъ называемыхъ крещеныхъ татаръ Казанской губ. «Крещеные татары» представляютъ до сихъ поръ неопредѣленную величину среди инородцевъ Казанскаго края. По своимъ вѣрованіямъ, они рѣзко отличаются отъ мусульманъ и это различіе заключается не въ томъ, что имъ дало христіанство, а въ томъ, что они сохранили подъ его поверхностнымъ слоемъ. Крещеные татары остаются во многихъ отношеніяхъ язычниками. На выставкѣ фигурируютъ ихъ старинныя одежды, и эти одежды также какъ религія и зародыши искусства обособляютъ ихъ отъ татаръ-мусульманъ. Онѣ сдѣланы изъ бѣлаго холста и расшиты подобно чувашскимъ и черемисскимъ, шелкомъ. Одежды крещеныхъ татаръ заставляютъ видѣть въ нихъ остатокъ какой-то ассимилированной татарами мѣстной народности (не въ нихъ-ли нужно видѣть потомковъ тѣхъ «бѣляковъ», которые причиняютъ столько хлопотъ русскимъ историкамъ?).

До сихъ поръ мы оцѣнивали костюмъ съ историко-этнографической точки зрѣнія. Мордовско-эрзянскія ру-

башки, занимающія правую стѣну палатки, даютъ намъ возможность взглянуть на этотъ предметъ съ другой стороны. Принимая заранѣе упрекъ за рискованное сближеніе, мы приглашаемъ посѣтителей сравнить характерную рубашку эрзянки Ставропольскаго уѣзда съ тѣми рубашками, которыя, навѣрное, они встрѣчали на русскихъ фрескахъ XII в. Всякому, кто окажется въ состояніи произвести мысленно это сравненіе, бросится въ глаза близкое сходство этихъ раздѣленныхъ вѣками и пространствомъ одеждъ — сходство по формѣ и характеру орнамента. Сходство это, конечно, нуждается въ обстоятельномъ изслѣдованіи. Оно поднимаетъ очень важный вопросъ о древнихъ славяно-византійскихъ элементахъ, сохранившихся въ финскомъ костюмѣ въ той же цѣлости, въ какой сохранились древне-славянскія и русскія слова въ языкѣ.

На той-же почвѣ заимствованій въ области костюма удерживаетъ насъ сравненіе верхово-чувашскихъ, черемисскихъ и татарскихъ рубашекъ. При всемъ различіи матеріала и формъ между тѣми и другими мы находимъ одну общую особенность — вышивку или нашивку по краямъ груднаго разрѣза. Если мы возьмемъ крайнія формы отдѣлки рубашечной груди — у горныхъ черемисъ и башкиръ — можетъ показаться, что между тѣми и другими нѣтъ ничего общаго, но стоитъ взять типичныя рубашки Царевококшайскаго уѣзда съ широко и сплошь зашитой грудью, грудныя вышивки съ шобыровъ того-же уѣзда, затѣмъ Яранскихъ и Ветлужскихъ для того, чтобы убѣдиться, что татарское монисто въ видѣ вышивки, а не нашивки, имѣетъ мѣсто на черемисскихъ рубашкахъ. Стойка съ крещено-татарскими костюмами показываетъ намъ, что и татарамъ не чуждо было когда-то стремленіе украшать вышивками свои одежды. Башкир-

скій «соколъ» представляетъ монисто на крайней точкѣ развитія уже въ видѣ обособленнаго грудного украшенія, состоящаго изъ монетъ. Исторія мониста показываетъ, что въ развитіи костюма замѣчается также взаимодѣйствіе тюркскаго и финскаго элементовъ, но которому изъ этихъ элементовъ принадлежитъ творческая роль, остается пока нерѣшеннымъ.

Небольшой щитокъ съ старинным черемисскимъ вооруженіемъ даетъ понятіе о томъ, какое оружіе употреблялось приволжскими звѣроловами еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Особеннаго вниманія заслуживаютъ стрѣлы съ костяными наконечниками, употреблявшіяся одновременно съ стрѣлами, у которыхъ наконечники уже желѣзные. Мы видимъ здѣсь примѣръ того, какъ вещи одной культурной эпохи (костяныя орудія считаются современными каменнымъ, слѣдовательно—отстоятъ отъ желѣзныхъ на цѣлыхъ двѣ эпохи) вслѣдствіе спеціальныхъ удобствъ переживаютъ рядъ культурныхъ переворотовъ и удерживаются въ употребленіи тогда, когда объ однородныхъ по матеріалу вещахъ исчезаютъ даже воспоминанія.

Второй предметъ, заслуживающій вниманія съ точки зрѣнія археологической представляетъ собою берестяный колчанъ. Колчанъ подобнаго рода обнаруженъ недавно С. К. Кузнецовымъ въ древнихъ могильникахъ близъ Томска.

Капканъ для ловли мелкихъ звѣрей, лежащій тутъ же возлѣ колонны, любопытенъ по употребленію скрученыхъ лосиныхъ жилъ вмѣсто пружины.

Обозрѣніе коллекцій, иллюстрирующихъ бытъ приволжскихъ инородцевъ мы заканчиваемъ предметами, относящимися къ вѣрованіямъ и культу. Въ этой области

право на наше преимущественное вниманіе принадлежитъ коллекціи предметовъ, относящихся къ богослуженію своеобразной черемисской секты Яранскаго уѣзда. Секта эта интересна, какъ показатель современнаго броженія инородческихъ вѣрованій. Она заключаетъ въ себѣ пеструю смѣсь христіанскихъ и языческихъ идей.— Отъ массы язычниковъ (оффиціальныхъ) и язычествующихъ христіанъ-черемисъ сектанты въ области вѣрованій отличаются тѣмъ, что не признаютъ множества стихійныхъ боговъ, покланяясь небесному богу, исполнителю его воли (пуйурню) и его матери (христіанское вліяніе), въ области культа отреченіемъ отъ кровавыхъ жертвъ. Вещи, относящіяся къ богослуженію этой секты, служатъ прекраснымъ образчикомъ того вліянія, которое имѣетъ религіозный культъ въ дѣлѣ переживанія обычаевъ и орудій давно пережитыхъ культурныхъ эпохъ. Для изготовленія муки, необходимой для жертвенныхъ хлѣбовъ, служитъ ступа, которой дальніе предки черемисъ подобно многимъ другимъ народамъ, пользовались вмѣсто неизвѣстныхъ еще жернововъ. Священный огонь добывается треніемъ двухъ сухихъ кусковъ дерева, спеціально для этой цѣли обработанныхъ. Имѣющее мѣсто и у другихъ черемисъ стремленіе устранять металлическую утварь изъ жертвоприношенія доходитъ здѣсь до того, что изъ дерева изготовляются сабля и ружье для отогнанія отъ мѣста жертвоприношенія злыхъ духовъ.

Гусли, фигурирующіе тутъ-же, интересны по своему назначенію. Игра на нихъ предшествуетъ общему обращенію молящихся къ Богу и должна «мягчить сердце» по буквальному выраженію одного черемисина-экспонента.

Коллекція съ которой мы познакомились, помимо

своего содержанія имѣетъ высокій интересъ и по исторіи своего появленія на выставкѣ. Она доставлена сектантами черемисами по собственному побужденію, безъ всякаго участія администраціи съ единственной цѣлью ознакомить выставочныхъ посѣтителей съ своими вѣрованіями и обрядами. Забота о точномъ ознакомленіи съ своими вѣрованіями доходитъ у этихъ интересныхъ и трогательно наивныхъ сектантовъ до того, что одинъ изъ нихъ—грамотный—составилъ даже краткое описаніе моленій.

Послѣ экспонатовъ, рисующихъ культъ небольшой кучки черемисъ, обратимся къ тому, что даетъ намъ выставка относительно массы. На щитахъ съ фотографіями посѣтители выставки могли ознакомиться съ видомъ черемисскихъ и вотяцкихъ языческихъ рощъ и храмовъ домоваго божества (вотская куала, черемисская *куда*—отчасти); здѣсь-же имѣютъ мѣсто рисунки карандашемъ, изображающіе моленіе и сдѣланные черемисиномъ. На стѣнѣ рядомъ со столами яранскихъ экспонентовъ фигурируютъ предметы, имѣющіе отношеніе къ жертвоприношеніямъ. Мы видимъ здѣсь лыко, которое обагряется первой струей крови жертвеннаго животнаго и которымъ опоясывается священное дерево. Здѣсь же фигурируютъ три предмета, которые характеризуютъ отношеніе черемисъ къ божеству. Два изъ этихъ предметовъ представляютъ собою фигуры, которыя получаются изъ растопленнаго олова, вылитаго на плоскость топора. Смотря по тому на какое животное намекаетъ фигурка, жрецъ рѣшаетъ, какое животное нужно богу. Фигурки привѣшиваются къ священному дереву въ видѣ удостовѣренія, что жертвующими принесена именно та жертва, которую желалъ богъ. Послѣ оловянныхъ фигурокъ мы видимъ

виловатую липовую вѣтку, въ расщепъ которой вставлены пять кусочковъ липовой коры. Это новый удостовѣрительный документъ: жрецъ гадаетъ, угодна ли богу принесенная жертва, срѣзывая одинъ за другимъ девять кусочковъ коры липовой вѣтки. Если изъ девяти кусочковъ 5 или болѣе упадутъ бѣлой внутренней стороной, жертва угодна богу. Кусочки эти вставляются въ расщепъ вѣточки и прикрѣпляются къ описанной уже выше опояскѣ дерева въ знакъ того, что богъ засвидѣтельствовалъ угодность жертвы и не имѣетъ права требовать новой подъ тѣмъ предлогомъ, что принесенная жертва была ему не по вкусу.

Изъ другихъ предметовъ, относящихся къ религіи инородцевъ, слѣдуетъ отмѣтить вотяцкій «воршудный» коробъ—коробъ, въ которомъ хранятся жертвы домовому божеству, а иногда помѣщается и изображеніе этого божества. Короба этого рода составляютъ величайшую рѣдкость въ виду того, что массы ихъ сожжены.

Рядомъ съ воршуднымъ коробомъ помѣщается невзрачные на видъ предметы—разбитыя чашки, деревянныя корытца, грубые горшки и нѣчто въ видѣ деревянной кирки. Не смотря на свою непригладность, эти предметы имѣютъ полное право на вниманіе публики: они знакомятъ насъ съ особенностями погребенія и стало быть, воззрѣній на загробную жизнь у инородцевъ нашего края. Прежде чѣмъ заняться уясненіемъ этихъ предметовъ, мы должны припомнить, какой характеръ имѣютъ чувашскія могилы. Мы видѣли, что на нихъ оставляются предметы, необходимые покойнику послѣ смерти—одежда, пища въ чашечкахъ. Часть этихъ прэдметовъ мы и имѣемъ предъ собою на столѣ. Посуда разбита, чтобы никто изъ живыхъ не воспользовался собственностью по-

койнаго. Рядомъ небольшія корытца, въ которыхъ оставляется въ оврагахъ пища покойникамъ во время поминокъ. Горшки и деревянная кирка переносятъ насъ на пермяцкое кладбище Чердынскаго уѣзда Пермской губерніи. Горшки ставятся съ кусочками угля и ладона (для отогнанія злыхъ духовъ) на поверхности могилы въ ноги покойника; кирка съ насаженнымъ на нее ральникомъ (сошникомъ) служитъ могильщикамъ и бросается на могилѣ или около нея, какъ собственность покойника (ральникъ все-же прибирается).

Мы покончили съ приволжскими инородцами. Обращаемся къ среднеазіатскимъ и отчасти сибирскимъ экспонатамъ, рисующимъ бытъ степняковъ. Въ этнографическомъ отдѣлѣ сюда относится коллекція Галѣева. Между предметами этой коллекціи особенный интересъ представляютъ образцы бухарскаго вооруженія; мы видимъ народъ, который еще пользуется сѣкирою, лукомъ, стрѣлами, прикрываетъ себѣ грудь броней или желѣзнымъ нагрудникомъ. Но у этого народа мы встрѣчаемъ уже мысль о возможности пользоваться давленіемъ воздуха для выбрасыванья бьющихъ снарядовъ. Въ коллекціи имѣется сдѣланный изъ жилъ длинный стволъ, изъ котораго охотникомъ выдувается въ цѣль глиняный шарикъ. Мы имѣемъ предъ собою снарядъ, который является первообразомъ ружья.

Въ павильонѣ для почетныхъ посѣтителей нашли себѣ мѣсто доставленные Семипалатинскимъ музеемъ предметы быта киргизовъ. Въ небольшой коллекціи этихъ предметовъ заслуживаютъ вниманія по своей оригинальности черпаки для кумыса, покрытые орнаментомъ, боевые топоры знакомятъ насъ съ выходящимъ изъ употребленія вооруженіемъ степняка. Коверъ, находящійся въ

коллекціи, ковры въ киргизской кибиткѣ въ саду и скрѣпляющія ее узорчатыя тесьмы даютъ нѣкоторое понятіе о киргизскомъ орнаментѣ и позволяютъ установить близкую связь между орнаментальными мотивами и техникой киргизъ и бухарцевъ съ одной стороны и вліяніе этихъ мотивовъ на Казанское производство «азіятской» обуви -съ другой.

Обзоръ этнографическаго матеріала въ историко-этнографическомъ отдѣленіи мы закончимъ аванзалой, гдѣ собраны предметы русскаго быта. Оцѣнивая сравнительно небольшое собраніе этихъ предметовъ по отношенію къ громадному пространству Поволжья и массѣ разсыпавшагося по нему русскаго населенія, мы должны будемъ отмѣтить, что русское населеніе представлено на выставкѣ блѣднѣе, чѣмъ инородческое. Мы имѣемъ около дюжины фотографій, дающихъ понятіе о типѣ русскаго населенія, расположившагося съ XVII в. среди низовыхъ чувашъ въ окрестностяхъ Маріинскаго Посада (Чебок. у Каз. г.), модели сѣверно-русскаго дома и около дюжины фотографій, знакомящихъ съ формами народной архитектуры Нижегородской, Вятской и Костромской губерніи, перенесенными на 3. Казанской губерніи, манекенъ г-жи Нелидовой, дающій понятіе о костюмѣ, который носился въ Казанской губерніи въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка, женскій костюмъ Вятской губерніи, 2 женскихъ костюма Нижегородской губерніи и нѣсколько образцовъ головныхъ женскихъ уборовъ изъ губерній Казанской, Вятской, Нижегородской, Симбирской и Пензенской. Даже въ томъ случаѣ, если мы примемъ во вниманіе, что съ произведеніями русскаго творчества въ области промышленной и художественной знакомитъ насъ вся выставка, можно пожалѣть, что ни Уни-

верситетскій Музей Отечествовѣдѣнія, ни частные экспоненты не выдвинули на выставкѣ, какъ слѣдуетъ, господствующей народности края. Народная архитектура Вятской, Нижегородской и Костромской губерніи представлены на столько, на сколько занесли ее плотники этихъ губерній въ Казанскую. Кто проѣзжалъ по деревнямъ лѣсной полосы трехъ названныхъ губерній, тотъ знаетъ, какой богатый и еще нетронутый почти предметъ для изученія представляютъ крестьянскія постройки. Отсутствіе этого матеріала на выставкѣ, а слѣдовательно и отсутствіе людей, которые имѣли-бы средства и желаніе собрать и представить его вниманію публики, тѣмъ печальнѣе, что лучшими образцами народной архитектуры являются здѣсь, какъ и всюду, старыя, приходящія въ ветхость постройки. Между выставленными русскими вещами заслуживаетъ исключительнаго вниманія расшитый шелкомъ кокошникъ Казанской губерніи. Это единственный на выставкѣ и отсутствующій въ богатыхъ собраніяхъ русскихъ головныхъ уборовъ Москвы (Историческій и Дашковскій Музеи) образецъ русскаго шитаго шелкомъ головнаго убора и звѣно, соединяющее инородческія шитыя шелкомъ и шерстью сороки съ шитыми золотомъ, мишурой, бисеромъ, жемчугомъ, русскими кокошниками.

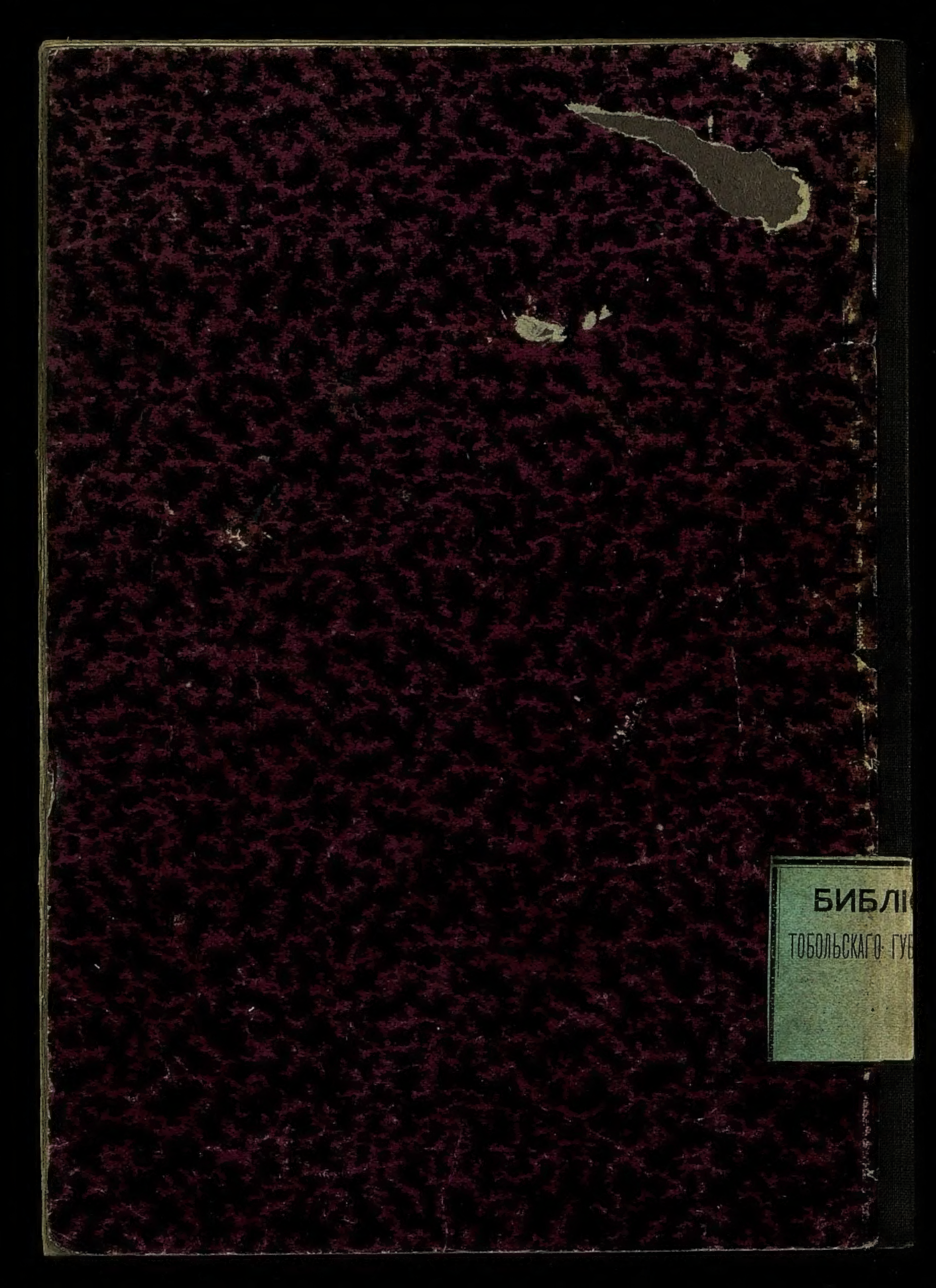
Мы закончили обзоръ этнографическаго отдѣла. Странствовать по остальнымъ отдѣламъ выставки съ цѣлью отысканія этнографическаго матеріала мы не будемъ потому, что это растянуло-бы статью до безконечности. Подведемъ въ заключеніе итоги тому, что даетъ для этнографіи казанская выставка Какъ ни скромно въ сравненіи съ тѣмъ, чего можно было-бы требовать отъ громаднаго, пестронаселеннаго пространства, содержаніе этнографическаго отдѣла, мы все же имѣемъ полное право

сказать, что въ исторіи этнографическаго изученія нашего края и восточной Россіи вообще выставка не пройдетъ безслѣдно. Масса посѣтителей имѣетъ возможность ознакомиться съ бытомъ инородцевъ, уяснить себѣ, что въ этомъ быту и съ какой стороны интересуетъ этнографовъ, и можетъ быть изъ тысячи посѣтителей найдется одинъ, который почувствовалъ или почувствуетъ желаніе поближе присмотрѣться къ жизни окружающаго люда, опредѣлить то, чѣмъ отличается этотъ бытъ отъ быта другихъ мѣстностей, что вымираетъ въ немъ, уступая мѣсто новому, отмѣтить и сохранить то и другое для науки (пріобрѣтеніемъ вещей и передачей ихъ въ видѣ дара или за плату въ мѣстные музеи). Благодаря выставкѣ оказалось впервые возможнымъ намѣтить рядъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ должны взять на себя музеи и ученыя общества края—таковы: напримѣръ, вопросы о взаимныхъ культурныхъ отношеніяхъ финновъ и тюрковъ Поволжья и типическихъ особенностяхъ инородческаго орнамента, происхожденіи утвари съ звѣринымъ орнаментомъ и мн. др.

Не безъ пользы для науки окажется наконецъ и то обстоятельство, что выставка дала возможность заинтересованнымъ въ дѣлѣ народовѣдѣнія людямъ ознакомиться съ содержаніемъ различныхъ музеевъ края, съ направленіемъ коллекторской дѣятельности, имѣющимъ мѣсто здѣсь и тамъ, съ недочетами зараждающихся собраній этнографическаго матеріала и отчасти съ средствами ихъ пополнить. Лучшимъ памятникомъ этого перваго *конкурса* восточно-русскихъ музеевъ было бы установленіе постоянныхъ отношеній, при которыхъ одинъ музей могъ бы путемъ обмѣна дублетами получать нужныя для него вещи изъ другаго.

Цѣна 20 коп.

Выручка отъ продажи—собственность Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

БИБЛІ
ТОБОЛЬСКАГО ГУБ